

A romantic illustration of a man and a woman in historical attire. The man, on the left, has dark, wavy hair and is looking down at the woman. He wears a dark coat with a highly ornate, colorful patterned collar. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and is looking towards the viewer. She wears a light-colored, off-the-shoulder dress with lace detailing. The background is a soft, painterly blue and white, suggesting an indoor setting with a large window or painting.

ВИНЕ МЕИР

ЭЛИАНА
ИЗ ЭЛЬМАРИИ

Вине Меир Элиана из Эльмари

<https://litres.ru/74213723>

Аннотация

Всю свою жизнь я верила, что самое большое приключение ждет меня в пыльных архивах. Я, Элиана Хэзлтон, доктор исторических наук в двадцать восемь лет, знала о средневековых налоговых отчетах больше, чем о собственных чувствах. Моим миром были пергамент и чернила, а не живая, бьющая через край реальность. Я изучала прошлое, потому что будущее казалось мне скучным и предсказуемым. Я ошиблась. Будущее оказалось не за углом, а за стеклом старого зеркала в музейном подвале. Оно схватило меня и швырнуло в мир, которого не должно было существовать. В Эльмарию. Мой английский, мои знания, мои дипломы — всё это стало бесполезным хламом. Я стала диковинной зверушкой, «чужачкой с колдовскими одеяниями», в которую тыкали пальцами. А потом появился он...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пролог

Запах старой бумаги, воска и едва уловимой пыли веков — вот истинный аромат моей жизни. Сегодня, как и вчера, и как позавчера, я провела пальцами по шершавому корешку фолианта, датированного XIV веком, с лёгкой, почти привычной горечью. «Хроники забытого королевства Альбарии». Боже, я, кажется, могу пересказать их содержание во сне, вверх ногами и на древнегреческом. Восстание баронов, падение династии Серебряного Льва, романтические и, скорее всего, насквозь выдуманные баллады о рыцарях и их дамах. Иногда мне кажется, что я знаю о тех людях больше, чем о своих собственных соседях.

«Блестящий историк-медиевист». Так гласит моя визитка и страничка на сайте музея. В двадцать восемь лет — доктор наук, автор полудюжины статей в рецензируемых журналах. Гордость кафедры. И... профессиональная, выстраданная тоска, въевшаяся в самое нутро.

Мой кабинет — это мое крошечное, душное убежище, заваленное книгами и коробками с неописанными артефактами, которые, я уверена, никто, кроме меня, никогда не увидит. За окном плыл обычный лондонский вечер — серый, безнадежно дождливый, наполненный приглушенным гулом машин и жизнью, которая казалась мне такой плоской, выцветшей, как страница в дешевом учебнике. Я наблюдала за

людьми на улице — они куда-то спешили, смеялись, спорили у входа в паб. Жили. А я... я существовала. Существовала в этом проклятом промежутке между прошлым, которое уже давно истлело, и будущим, которое, казалось, так и не наступит, застряв в вечном «сейчас» из пыли и пергамента.

Рутинa. Каталогизация. Бесконечные таблицы. «Предмет № 734: Керамический черепок, предположительно XV век, место находки — Северное графство Йоркшир. Примечание: следы ремонта свинцом». Я с раздражением отложила ничем не примечательный черепок в сторону и потянулась к своей заветной, потрескавшейся чашке с едва видимой надписью «Историки правят миром... но только тем, который уже был». Горькая ирония, ставшая моим девизом.

Нет. Одиночество никогда не было для меня чем-то болезненным. Скорее, привычным фоном, белым шумом моей реальности. Вечера с книгой — не романом, а очередным научным трактатом о методах ведения осады в Высокое Средневековье — были нормой. Свидания, на которые меня изредка, из чувства долга, уговаривали подруги, заканчивались одинаково: вежливыми, пустыми разговорами о погоде и моей работе, которая вызывала у собеседников либо зевоту, либо нездоровый, наигранный блеск в глазах, вызванный образами из голливудских фильмов. Никто не понимал, что за рыцарями и замками стояли горы бюрократии, грязь и бесконечная, всепоглощающая смерть.

Я закрыла глаза, прислонившись лбом к прохладному,

почти ледяному стеклу окна. Вот оно, моё великое приключение. Пыль. Тишина. Предсказуемость каждого дня, где самым захватывающим событием была находка нового, неучтенного черепка.

Но глубоко внутри, под толстенными слоями академических знаний, цинизма и взрослого скепсиса, тлела та самая искра. Та самая, что когда-то заставила семилетнюю меня, забыв про ужин, залезть на чердак к деду и с восторгом рассматривать его старые, пахнувшие тайной и дальними странами карты. Та самая, что заставляла моё сердце биться чаще и предательски замирать, когда я читала не сухие факты, а живые, дышащие строки из дневников очевидцев — о походах викингов сквозь шторма, о турнирах, где решались судьбы, о загадочных исчезновениях целых экспедиций в туманах истории.

Я чувствовала это физически — смутное, настойчивое, щемящее чувство где-то под рёбрами. Ожидание. Предчувствие. Полный бред, конечно. Мой рациональный ум тут же яростно гасил эту искру, называя её «профессиональным выгоранием» и «юношеским романтизмом». Но по ночам, в том самом промежутке между сном и явью, когда барьеры рушатся, мне снились не лекции и не каталоги. Мне снились бескрайние зелёные поля под двумя лунами, шум незнакомого города, запах моря и дыма, и чей-то зов, тихий, но настойчивый, как эхо моего собственного сердца, зовущего куда-то за пределы этой библиотечной клетки.

Я открыла глаза. Дождь за окном усилился, заливая город слепым, холодным потоком. Ещё один вечер, ещё одна глава, ещё одна страница. Но сегодня это чувство — чувство того, что всё должно перевернуться — было особенно сильным, почти удушающим. Как будто сама Судьба, окончательно устав от моего бесконечного терпения и пассивности, наконец, натянула тетиву лука и готовилась выпустить стрелу. Прямо в сердце моей размеренной, предсказуемой, безопасной и такой мёртвой жизни.

А потом случилось это «незначительное» землетрясение. Всего 3,2 балла. Событие века для скучающих сотрудников музея и настоящая головная боль для меня. Протокол, этот свод идиотских правил, предписывал провести внеплановую инвентаризацию в самых старых и заброшенных запасниках, дабы удостовериться, что ни один шедевр не пострадал от толчков, которых никто даже не почувствовал.

Запасник №7. Самое сердце подвалов, место, куда даже уборщицы боялись заходить. Воздух здесь был густым, спёртым и сладковатым на вкус, как от разложения. Я включила фонарик, и его луч, словно нехотя, выхватил из липкой тьмы покрытые паутиной саркофаги, сложенные стопками античные амфоры с отбитыми горлышками и сундуки с потускневшей, почти чёрной позолотой.

Я методично, почти на автомате, сверяла номера на коробках со списком в планшете. «Ящик 12-А... ящик 12-Б...» Всё

было на своих местах. Скука и раздражение начинали брать верх, и я уже мысленно составляла лаконичный отчёт: «Потери и повреждения отсутствуют», когда мой взгляд, скользя по очередной стойке, зацепился за дальний угол помещения.

Там, за огромным, покрытым плесенью бюстом какого-то забытого римского императора, виднелся контур, не вписывающийся в общую геометрию стеллажей. Что-то большое, зачехлённое в грубый, потемневший от времени холст, стояло прямо на каменном полу, будто его свалили там впопыхах и навсегда забыли.

«Странно», — мелькнуло у меня в голове, и в груди что-то ёкнуло. Я не помнила этот объект ни по одному плану хранилища, ни по одной описи. Он был словно призраком. Смешно, если подумать, ведь я в такое не верю.

Любопытство, тот самый профессиональный недуг, что когда-то привел меня в эту профессию, пересилил усталость и раздражение. Я пробралась в угол, с трудом отодвинула тяжёлый, неподъёмный бюст и ухватила за холст. Ткань, ветхая от времени и сырости, с громким, предательским шуршанием распалась у меня в руках, подняв облако едкой, древней пыли, от которой я закашлялась.

И тогда я замерла. Сердце в груди остановилось, а потом забило с такой бешеной силой, что я слышала его стук в висках.

Передо мной стояло зеркало. Высокое, почти в мой рост, в

оправе из потускневшего, почти чёрного, но оттого не менее великолепного серебра. Но не это заставило меня онеметь. Оправа была покрыта сложнейшей, гипнотической резьбой — переплетающимися рунами, которые я никогда не видела. Это не была латынь, не греческий, не скандинавские символы, которые я знала как свои пять пальцев. Эти знаки казались... живыми. Они извивались, точно корни древних деревьев или потоки неведомой магии, застывшие в металле, и от них исходила едва уловимая вибрация. Само стекло было идеально чистым, темным и глубоким, как ночное озеро, без единой царапины или пылинки, хотя всё вокруг утопало в вековой грязи. Оно словно отталкивало её от себя.

Осторожно, почти с благоговейным ужасом, я протянула руку. Кончики моих пальцев коснулись холодного, мертво-но-ледяного металла.

И в этот миг мир перевернулся.

Моё отражение дрогнуло, поплыло и расплылось, как рябь на воде от брошенного камня. Стекло перестало быть стеклом — оно стало окном. Окном в другую реальность.

Вместо тёмного, запыленного подвала я увидела город. Ночной город, залитый призрачным, неземным светом двух лун — одной большой и серебристой, другой меньшей, с тревожным, ядовито-зелёным отливом. Фахверковые дома с остроконечными крышами теснились вдоль мостовой, вымощенной неровным, отполированным тысячами ног булыжником. Где-то вдали выл сторожевой пёс, доносился отда-

лённый, пьяный смех и звонкий, ритмичный звон кузнечного молота. Я даже почувствовала, как воздух в запаснике наполнился запахами того мира — дымом очагов, влажным камнем и пьянящим ароматом ночного жасмина.

Это был не сон. Не галлюцинация. Это была настолько осязаемая, плотная, дышащая реальность, что у меня закружилась голова. Мой рациональный ум, мой верный защитник, отчаянно пытался найти объяснение — массовый гипноз, галлюцинация от усталости, утечка какого-нибудь газа. Но всё было тщетно. Я ВИДЕЛА. Видела мир из своих самых сокровенных фантазий, мир из книг, о котором я тайно мечтала все эти годы.

— Эльмария... — прошептала я, замороженная, сама не веря тому, что говорю.

И в этот самый момент из глубины зеркального портала, прямо из той улочки, донёсся звук. Чей-то торопливый, испуганный шаг по булыжнику. И тут же — низкий, гортанный, угрожающий рык, от которого кровь буквально стыла в жилах. Рык, полный голода и злобы.

Инстинкт самосохранения, дикий и первобытный, закричал мне отпрянуть, бежать, захлопнуть эту дверь в ад. Но я не успела.

Неведомая сила, могучая и неумолимая, как океанская волна, схватила меня за грудь и потащила вперёд, к этому мерцающему полотну. Моё собственное отражение, бледное и искажённое ужасом, мелькнуло в стекле в последний раз,

прежде чем меня затянуло в водоворот ослепительного света и сгущающихся теней. Я вскрикнула, но звук потерялся в гудящей, оглушающей пустоте, разверзшейся вокруг. Позади себя, уже на грани двух миров, я услышала, как холст с мягким шорохом упал на каменный пол, накрывая то место, где только что стояла я сама.

А в подвале музея воцарилась гробовая тишина. Даже назойливая сигнализация умолкла. И только одна одинокая чашка с потускневшей надписью «Историки правят миром...» стояла на столе в пустом кабинете, как немой и горький свидетель того, что её хозяйка, наконец-то, нашла своё проклятое приключение.

Глава 1

Сознание возвращалось ко мне волнами, как прилив, принося с собой сначала боль — тупую, ломящую во всем теле, будто меня переехал грузовик. Потом я почувствовала холод — сырой, пронизывающий до костей, исходящий от земли, на которой я лежала. И наконец, накатило полное, оглушающее осознание: всё вокруг было абсолютно, до ужаса чужим.

Я лежала на спине в колючих зарослях какого-то кустарника, впиваясь спиной в острые ветки. Первое, что я увидела, открыв глаза — это небо. И мое сердце провалилось куда-то в пятки. Над моей головой висели две луны. Одна — большая, холодная и знакомая, серебристая. А рядом с ней — ее меньшая сестра, испещренная кратерами и отливающая тревожным, ядовито-зеленым светом. Это не был сон. Не галлюцинация. То проклятое зеркало в бабушкином амбаре оказалось реальным. Оно привело меня сюда.

Стоны вырвались у меня сами собой, когда я попыталась подняться. Тело гудело, каждое движение отзывалось новой болью. Я стояла, пошатываясь, опираясь о ствол кривого дерева. На мне всё еще была моя привычная одежда — удобные джинсы, теплый свитер и легкая куртка, в которой я копалась в старых коробках. Теперь этот наряд казался нелепым и жалким маскарадом, костюмом клоуна на похоронах. Я автоматически полезла в карман за телефоном. Моя по-

следняя связь с домом. Экран был темным и мертвым, хоть и без единой трещины. Ни заряда, ни сигнала. Полная тишина.

И тут до меня донесся шум. Но не привычный, оглушительный гул мегаполиса, к которому я привыкла за годы жизни в Лондоне. Это был гомон множества голосов, скрип дерева, мычание скота, далекий лай собак. Я выбралась из кустов и обомлела. Передо мной был город. Не иллюзия в зеркале, а настоящий, осязаемый, пахнущий дымом и навозом. Высокие, местами обветшалые каменные стены, остроконечные крыши, покрытые темным деревом, и тревожные тени от факелов, пляшущие на брусчатке. Эльмария. Название всплыло в памяти само собой, будто его кто-то прошептал мне на ухо.

Жажда скрутила горло сухим узлом, а в животе заныло от голода. Это и погнало меня вперед, к воротам, где кипела жизнь. Толпа была пестрой и шумной: мужчины и женщины в грубых, поношенных шерстяных и кожаных одеждах, в плащах, гнали скот, сновали с корзинами, громко торговались у лотков с товарами. Я замерла, пытаюсь понять их речь. Язык был полон гортанных звуков и странных оборотов, но что-то неуловимо напоминало древнегерманские наречия, которые я когда-то изучала на первом курсе. Общий смысл ускользал, как вода сквозь пальцы.

Первую, робкую попытку установить контакт я предприняла у лотка, где продавали хлеб — пышные, румяные буханки, от которых сводило скулы.

— Извините, — произнесла я на английском, робко указывая на одну из них. Голос прозвучал хрипло и неуверенно. — Я могу это купить? Мне очень нужно поесть.

Торговец, разодетый в неведомые старинные наряды, породный мужчина с лицом, обветренным до состояния старой кожи, уставился на меня так, будто увидел призрака. Его глаза выкатились от изумления. Он что-то рывкнул, тыча толстым пальцем в мои джинсы и куртку. Его слова были обидными и грубыми, я поняла это по тону, даже не зная перевода. На шум стали собираться другие люди. Их взгляды — десятки пар глаз — были откровенно враждебными. В них читался страх, подозрение и... брезгливость. Будто я была чем-то грязным, заразным. С каждым сказанным словом, язык словно магическим образом начинал переводиться и вскоре до меня дошли их слова.

— Чужачка! — прошипела какая-то женщина, закрывая ладонью лицо своего ребенка и пятась от меня. — Смотрите на её одеяния! Колдовские! Не иначе!

Ко мне подошел стражник, что стоял у ворот, звеня кольчугой. Старые доспехи скрипели, а в руках он сжимал длинное копьё.

— Из какого ты селения, девка? — его голос прозвучал грубо и требовательно, а взгляд, тяжелый и недобрый, буравил меня насквозь. — Говори! Чей ты посол?

Я попыталась что-то сказать, соврать, что мой корабль потерпел крушение — первое, что пришло в голову из заучен-

ных исторических хроник. Но моя английская речь, мой акцент и полное, абсолютное незнание местных обычаев лишь разжигали их гнев. Они не понимали ни слова. Я видела, как их недоверие превращается в ярость. Кто-то с краю толпы, не выдержав, швырнул в меня комом липкой, холодной грязи. Он с глухим шлепком угодил мне в плечо, испачкав и без того грязную куртку.

Я опустила взгляд на грязное пятно, сглотнув ком отчаяния, подступивший к горлу. Внутри всё сжалось в тугую, холодный комок паники.

— Прочь отсюда, дурной глаз! — проревел торговец, и его крик подхватили другие. — Убирайся, пока ноги есть!

Сердце заколотилось с такой силой, что я слышала его стук в ушах. Паника, холодная и липкая, окончательно захлестнула меня. Я отступила на шаг, потом на другой, развернулась и почти побежала прочь от ворот, вдоль холодной каменной стены, под свист и насмешки, оставшись совершенно одна в этом чужом и враждебном мире.

Сумерки опустились стремительно, словно кто-то вылил на небо чернила. Стало холодно, по-осеннему, пронизывающе. Я шла, не разбирая дороги, просто удаляясь от враждебного гула главных улиц. Над головой плыли две луны — холодная серебряная сестра и её зелёная, тревожная спутница. Их свет отбрасывал на землю двойные, путающиеся тени, в которых я чувствовала себя еще более потерянной.

На самом краю поселения, там, где каменная кладка го-

родской стены начинала осыпаться, я нашла заброшенный сарай. Он притулился к стене, словно гриб-паразит. Дверь висела на одной единственной ржавой петле и скрипела на ветру, как плачущий ребенок. Внутри пахло плесенью, перепревшим сеном и чем-то еще — резким, мышинным. Это было ужасное, унижительное убежище. Но это была крыша. Пусть дырявая, пусть пахнущая смертью, но крыша.

Я забралась в самый темный угол, на ощупь найдя грудку чего-то шершавого — оказалось, это была старая холстина, пропахшая потом и скотом. Я накрылась ею, свернувшись калачиком, пытаюсь сохранить хоть каплю тепла. Холод пробирался сквозь тонкую ткань моей куртки, забирался под кожу, до самых костей. Желудок сводило от голода пустой, болезненной судорогой. Слезы подступили к горлу, горячие и горькие, но я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

«Нет, – сказала я себе. – Не сейчас. Ты историк. Ты читала хроники, ты знаешь, через что проходили люди. Ты выживешь».

Но читать о лишениях и испытывать их на себе — это абсолютно разные вещи. Книжки не передают этого леденящего душу ужаса одиночества.

И тогда я увидела Тень.

Она промелькнула за щелью в стене — высокая, неестественно плавная, скользкая, а не идущая. Я замерла, перестав дышать.

Тень проскользнула мимо сарая, не производя ни единого

звука. Ни скрипа гравия под ногами, ни шороха одежды, ни даже дыхания. Лишь на мгновение в прорехе темноты мне показалось, что вспыхнули два красных огонька — недобрых, хищных, цепких. Как глаза голодного зверя, высматривающего добычу в ночи.

Меня охватил первобытный, животный страх, от которого кровь стыла в жилах. Это не было простым любопытством. За мной следили. И следило нечто гораздо более страшное, чем грубые крестьяне или даже стражники.

Всю ту долгую, бесконечную ночь я не сомкнула глаз. Я вжималась в грязную холстину, прислушиваясь к каждому шороху, к скрипу старых балок, к далекому волчьему вою. Я была одна. Абсолютно одна в чужом, враждебном мире, полном неведомых ужасов. И я поняла: мои знания, вся моя академическая мудрость — ничто. Пыль. Первый урок этого мира был прост и жесток: здесь мне не рады. И выживет здесь только тот, кто научится слушать ночь.

Следующий день стал бесконечным кошмаром. Голод и жажда превратились в назойливого, сводящего с ума спутника. Я скиталась по грязным задворкам, стараясь быть тенью, сливаться с камнями. Но моя куртка, мои джинсы — все кричало о моей чужеродности. Каждый встречный взгляд был ударом кинжала.

К полудню жажда стала невыносимой. Я рискнула. На одной из немногочисленных площадей я увидела общественный

колодец. Сердце колотилось, как сумасшедшее, пока я кра-лась к нему. И только я зачерпнула пригоршню холодной во-ды, как услышала грубый окрик:

— Эй, ты! Стой! Чужачка!

Это был патруль. Двое стражников в потертых доспехах. Их глаза, привыкшие к грязи и нарушителям, сразу же вы-хватили меня из полумрака.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я бросила деревянный ковш и рванула с места, не оглядываясь. За спиной — тяже-лый топот и ругань. Я ныряла в переулки, петляла, спотыка-ясь о разный хлам, сердце выскакивало из груди. Я не знала города, я просто бежала. Спасибо, что хоть на мне не было этих длинных юбок, и в штанах худо-бедно, я передвигалась куда быстрее.

Запахавшаяся, я свернула в особенно зловонный тупик. И споткнулась.

Едва удержав равновесие, я обернулась — и забыла о по-гоне. В луже темной, почти черной крови, прислонившись к стене, лежал мужчина. Его одежда — темно-синий камзол из тонкой ткани, сапоги из мягкой кожи — кричала о знат-ности. Но сейчас она была изорвана в клочья и пропитана кровью. Лицо — бледное, как воск. Глубокая рана зияла на его виске. Его грудь едва-едва поднималась.

Голоса стражников доносились совсем близко. Но я не могла уйти. Как приросла к земле.

«Черт... ненавижу себя...» — подумала я и опустилась на

колени, отодвигая окровавленную ткань на его боку. Колотая рана. Глубокая. Кровь сочилась упрямо. Мой мозг, годами тренированный на анализе исторических хроник, включая трактаты по хирургии, заработал с бешеной скоростью. Давящая повязка. Нужно остановить кровь.

Дрожащими руками я сорвала с шеи свой шарф — единственное, что было относительно чистым. Прижала его к ране изо всех сил. Мужчина застонал. Его веки дрогнули, и он открыл глаза. Глаза цвета темного янтаря, полные дикой боли, но и ясности. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было страха. Было... изумление.

— Держись, — прошептала я по-английски, сама не зная, зачем. — Всё будет хорошо.

Я пыталась соорудить повязку, используя ремень от его плаща. Мои пальцы были липкими и алыми. И вдруг его рука — холодная, но с остатками невероятной силы — схватила меня за запястье.

Он смотрел на меня. И в его взгляде было нечто большее, чем боль или благодарность. Было УЗНАВАНИЕ. То самое, от которого по спине бегут мурашки.

Его губы шевельнулись. Он из последних сил прохрипел слова, которые перевернули всё мое существование:

«Они... знают... о Зеркале...»

Его глаза закатились, рука разжалась. Он снова был без сознания. А я сидела на коленях в грязи, окаменевшая, с ледяным комом в груди. Он ЗНАЛ. Он знал о зеркале. Значит,

мое появление здесь не было случайностью. И охота на меня... она была целенаправленной.

И в этот самый миг из конца переулка донеслись новые шаги. Тяжелые, мерные, звенящие. И властный, обезличенный голос, разрезающий тишину:

— Осмотреть каждый закоулок. Он должен быть здесь.

Глава 2

Его дыхание было хриплым и неровным, а кровь продолжала проступать сквозь жгут. Я в отчаянии смотрела на свои руки.

«Нет... если так пойдет, он точно умрет...»

Звук. Ритмичный, металлический лязг о булыжник. Не беспорядочный топот, а чёткий, организованный шаг. Солдаты.

Сердце не просто замерло — оно провалилось куда-то в пятки, а потом рванулось в горло, бешено заколотив в такт этим шагам. Я застыла над незнакомцем, не в силах пошевелиться. Из-за поворота переулка, словно материализовавшись из самой тьмы, вышли трое воинов. Их синие плащи, в ключьях и в грязи, хлопали на холодном, пронизывающем ветру. Латы из тёмного, почти чёрного металла отливали тусклым свинцом. И на их нагрудниках — тот самый герб, что был на пряжке умирающего: вздыбленный серебряный грифон. Но сейчас он смотрелся не как символ спасения, а как клеймо, печать той самой власти, что вышвырнула меня за ворота несколько часов назад.

Я сидела на корточках, мои пальцы, липкие и тёплые от чужой крови, всё ещё сжимали окровавленный край моей футболки. Бежать? Куда? В глухой переулок? С моими силами, которые то появлялись, то исчезали? Это было бы са-

моубийством.

Воин впереди, мужчина лет сорока с проседью в тёмных волосах и старым шрамом через левую бровь, резко, почти отрывисто поднял руку в латной перчатке. Его люди замерли. Взгляд, острый и быстрый, как у хищной птицы, за секунду выхватил из полумрака всё: меня, испуганную и перепачканную, тело (очевидно) его командира, тёмное пятно крови на камнях. Он рухнул на колени рядом с незнакомцем, чуть ли не отталкивая меня в сторону.

— Капитан! Капитан, Каэлен! Чёрт возьми...

Потом этот взгляд, полный боли и ярости, поднялся и впился в меня. В серых глазах не было ни капли тепла или понимания. Одна лишь сталь и немое обвинение.

— Ты, — бросил он, и это слово прозвучало как приговор. — Кто ты? И что, чёрт тебя побери, ты с ним сделала?

Мой собственный голос, когда я попыталась ответить, был хриплым, сдавленным. Адреналин пылал в жилах огнём, и я слышала, как бешено стучит в висках. Я пыталась выудить из памяти обрывки этого странного языка, которые слышала.

— Я... помогала... — выдавила я, сглотнув горький комок страха. Мои руки сами собой показали на повязку. — Он ранен... я... нашла его здесь.

И в этот самый момент, будто услышав наш разговор, тот, кого звали Каэлен, тихо застонал. Тихо, но в тишине переул-ка это прозвучало громко. Его веки дрогнули, и он с огромным усилием приоткрыл глаза. Взгляд был мутным, плаваю-

щим, но он узнал того, кто склонился над ним.

— Дроган... — это был не голос, а хриплый, сорванный шёпот, но в нём была такая железная убеждённость, что воздух вокруг словно сгустился. — Она... спасла меня. Не трогай её. Слышишь?

Выражение лица воина — Дрогана — изменилось. Суровая маска не растаяла, но в его глазах что-то дрогнуло. Он коротко, по-деловому кивнул, не глядя на меня, и отдал приказ своим людям. Те, молча и слаженно, осторожно подняли тело Каэлена, используя для этого снятые со спин щиты, — получились импровизированные носилки.

Затем Дроган повернулся ко мне. Он не улыбался, его рука по привычке всё ещё лежала на эфесе меча, но его кивок в сторону, откуда они пришли, был понятен и без слов.

— Идём с нами, — сказал он. — Капитан приказал.

«Это интересно, когда?» — мелькнула мысль в моей голове, но спорить я не стала.

Прошло не больше часа с того момента, как ворота хлопнулись у меня за спиной, а теперь я шагала через них обратно. Иронично, если подумать. Меня вели те самые стражники, что и прогнали. И я отчётливо ощущала себя не спасённой, а пленённой, пусть и под благородным предлогом.

Мы шли по оживлённым утренним улицам. Крики торговцев, предлагающих спелые фрукты, запах свежего хлеба и конского пота, яркие ткани на прилавках. Люди расступались перед нашим отрядом, и их взгляды — любопытные,

испуганные, осуждающие — впивались в мою спину. Я же шла, сжимая в кулаке край своей куртки, единственное, что осталось от моего мира, и чувствовала себя диковинным зверем, которого ведут на показ.

А потом я увидела его. Замок. Он не просто высился на холме — он владел им. Тёмный, словно высеченный из одной гигантской скалы, он впивался своими остроконечными башнями в бледное небо с двумя лунами, которые теперь, днём, были едва заметными серпиками. Это была не сказочная крепость, а цитадель власти, и от неё веяло таким холодным величием, что у меня похолодело внутри.

«Почему я раньше его не замечала?»

Внутри воздух переменялся. Резко и окончательно. Пахло не улицей, а воском, старым камнем и чем-то ещё — сладковатым и тяжёлым, может, ладаном или дорогим деревом. Мраморные полы звенели под сапогами моих провожатых, а гобелены на стенах изображали сцены охоты и войн, и мне везде чудились глаза — прищуренные, оценивающие. Слуги в ливреях шаркали ногами, спешно уступая дорогу, их быстрые взгляды скользили по моим джинсам и грязной футболке с таким недоумением, будто я была пришельцем с другой планеты. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

Меня привели в кабинет. Просторный, залитый дрожащим светом от огромного камина. Пламя отбрасывало на стены, уставленные книгами в кожаных переплётах, длинные, пляшущие тени. И у окна, спиной к комнате, стояла вы-

сокая, прямая фигура.

— Герцог Ардаль, — отдал честь Дроган.

Сердце у меня ушло в пятки. «Он» повернулся медленно, словно у него было всё время в мире. И этот мир замер.

Герцог был высоким, почти худощавым, с лицом такой аристократической отточенности, что оно казалось вырезанным из слоновой кости. Тёмные волосы, гладкие и тяжёлые, были убраны назад, открывая высокий лоб и острые скулы. Но главным были его глаза. Холодные, серые, как пепел после пожарища. В них не было ни тепла, ни приветствия — лишь безжалостный, сканирующий анализ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.